

В тихой и комфортабельной палате класса люкс, в санатории на вершине горы, круглосуточно работали медицинские мониторы.

На больничной койке лежал худой молодой человек с тонкими чертами лица и благовоспитанной внешностью. На вид ему было не больше восемнадцати лет, но на его бледном, почти прозрачном лице отражалось болезненное состояние, не свойственное его возрасту.

Он крепко спал, слабо дыша и, казалось, был неизлечимо болен.

Однако за дверью палаты постоянно слышались разговоры, и атмосфера была веселой. Мальчик в школьной форме держал табель успеваемости и просил у родителей награду.

Родители выглядели очень довольными, а когда увидели на письме слова «Десятый в классе», они улыбнулись еще более счастливо. Казалось, что юноша в палате не имел к ним никакого отношения.

«Отныне в нашей семье будет только этот сын. Папа купит Вэньцуну все, что он захочет».

Услышав это, мать Чжан Жун невольно глянула в приоткрытую дверь. Убедившись, что никто не обращает внимания, она прошептала отцу и сыну: «Не говорите ерунды».

Отец и сын переглянулись, но не восприняли ни всерьез. Особенно Лу Вэньцун, он был слишком уверен в себе. «Чего вы боитесь? Даже, если узнает... Он не сможет покинуть пределы санатория».

Лу Вэньцун сегодня был хорош, поэтому Лу Шань встал на сторону своего сына.

«Вэньцун прав. Медсестра сказала, что он находится в отключке уже два дня и до сих пор не пришел в себя. Хотя ему вводят питательный раствор, я не думаю, что он сможет продержаться долго. Я попросил адвоката начать оформлять документы. Все имущество семьи Лу скоро будет нашим. Ошибок не будет».

«Да, мама, чего ты беспокоишься о нем?» Лу Вэньцун забрал табель успеваемости у родителей. В столь юном возрасте его глаза уже были полны убийственных намерений. «Остался всего один шаг, пожалуйста, не волнуйся понапрасну».

«Мы можем просто поговорить о таких вещах дома, чтобы не давать другим заподозрить нас». Чжан Жун была осторожным человеком. Она не могла успокоиться, хотя планировала это много лет.

Мальчик неловко закрыл рот и больше ничего не сказал.

Никто не заметил, что рука пациента в палате, в которую ставили капельницу, внезапно начала дрожать, а вены на тыльной стороне ладони вздулись. Через несколько секунд пластиковая трубка наполнилась хлынувшей обратно кровью.

Лу Вэй открыл свои прекрасные глаза и глубоко вздохнул, словно только что очнулся от кошмара. Он посмотрел на время на электронные часы напротив кровати и с трудом сел.

Он наклонил голову, чтобы посмотреть на капельницу, испачканную кровью, выражение его

глаз было спокойным.

Лу Вэй в эти дни редко бодрствовал и еще реже вставал с постели. Его ноги в больничной пижаме были такими тонкими и бледными, что казалось, будто он едва мог ходить.

Лу Вэй одной рукой вытащил капельницу, откинул одеяло и встал с кровати, как будто вообще не чувствовал никакой боли.

Короткого расстояния в несколько метров от кровати до двери было достаточно, чтобы Лу Вэй покрылся холодным потом. Однако когда он наконец добрался до двери, то увидел медсестру, та сказала ему...

Его приемные родители, которые согласились навестить его сегодня, уже уехали.

Единственный свет, оставшийся в глазах мальчика, внезапно погас, и он с трудом побрел обратно, держась за стену.

Медсестра увидела, что ему трудно ходить, и подошла, чтобы помочь, но он оттолкнул ее.

Лу Вэй находился в этом санатории уже пятый месяц. Когда он впервые приехал сюда, он устроил скандал Чжан Жун, желая вернуться домой. Он не понимал, как санаторий можно сравнивать с городской больницей.

Но Чжан Жун со слезами на глазах сказала ему, что самое главное — это выздоровление, что воздух здесь хороший, а Лу Шань пригласил из-за границы специалистов, и что, когда ему станет лучше он сможет делать все, что захочет.

Даже если бы он захотел звезды на небе, они бы сорвали их для него.

Но по мере того, как состояние Лу Вэя становилось все более серьезным, родители приезжали все реже и реже, обычно, лишь на короткое время в выходные.

Лу Вэй посчитал и понял, что не видел их уже целый месяц.

В последнее время он все реже приходил в сознание. Хотя никто не рассказывал ему подробностей о его состоянии, Лу Вэй чувствовал, что у него осталось не так много времени.

Поэтому он действительно хотел вернуться домой.

Он очень скучал по семье.

Спустя долгое время Лу Вэй поднял трубку стационарного телефона, стоявшего рядом с постелью, и позвонил матери.

Он хотел провести свои последние дни с семьей.

Услышав голос «ждите ответа на звонок», глаза Лу Вэя постепенно наполнились разочарованием. В течение последнего месяца телефон Чжан Жун постоянно был недоступен. Услышав от механического женского голоса, что на звонок никто не ответил, он позвонил своему приемному отцу Лу Шаню.

Однако он тоже не ответил. Лу Вэй был так расстроен, что на его глаза навернулись слезы. Он боялся, что не сможет дождаться следующих выходных и умрет в этой холодной палате один.

Не имея другого выхода, Лу Вэй наконец позвонил на мобильный телефон Лу Вэньцуну.

На этот раз звонок соединили, но его сводный брат не хотел передавать его сообщение. «Что случилось? Зачем ты звонишь, занимайся своим лечением!»

«Ко мне сегодня, кажется приходили родители...» — слабо заговорил Лу Вэй.

«Да, но ты не проснулся, так что теперь мои родители уезжают со мной в отпуск, чтобы отпраздновать мое восемнадцатилетие». Лу Вэньцун гордо сказал это, его тон был полон хвастовства: «Мне жаль, брат!»

Услышав снова звук разрыва связи, Лу Вэй постепенно пришел в отчаяние.

У него никогда не было хороших отношений с Лу Вэньцуну. На протяжении многих лет его родители отдавали большую часть своей любви ему, приемному сыну. Поэтому, как бы плохо Лу Вэньцун ни относился к нему, Лу Вэй не мог его за это винить.

Он вздохнул, сейчас он мог только смиренно смотреть на скалу за окном и вздыхать, что ему суждено прожить такую короткую жизнь.

В тот день дух Лу Вэя пал. Несмотря на то, что он наконец смог выйти и полюбоваться своим любимым закатом, это все равно не пробудило в нем надежды.

Неделю спустя лечащий врач официально выдал Лу Вэю справку о критическом состоянии здоровья.

Родители Лу прибежали и оставались в его палате всю ночь.

Когда пациенты в соседнем отделении узнали о состоянии ребенка, они не могли не вздыхать. У пары была несчастливая жизнь. Они с большим трудом вырастили приемного ребенка, но теперь им предстояло проводить его, как только он достигнет совершеннолетия.

<http://bllate.org/book/14611/1296383>